

МРНТИ 03.20.00

<https://doi.org/10.26577/JH2025117201>**Д.А. Аманжолова** Институт российской истории РАН, Москва, РФ
e-mail: amanzholova19@mail.ru**ПОДГОТОВКА ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ
ДЛЯ КАЗАХСКОЙ АССР: СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
И РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА
(1920-1930-е гг.)**

Подготовка национальных кадров, прежде всего управленческих, в партийных учебных заведениях была одним из важнейших направлений советского нациестроительства. Вертикальная социальная мобильность выходцев из трудовых слоев населения была принципиальным компонентом национальной и кадровой политики, коренизации и реализации программных установок власти на классовое и идеологическое обеспечение нового политического, экономического и культурного обустройства общественного порядка. Автор показывает специфику организации образования, учебного и воспитательного процесса в учебных заведениях РКП(б)-ВКП(б) в Казахской АССР в 1920-1930-е гг. Основное внимание уделяется роли Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в обучении и воспитании казахов – коммунистов и комсомольцев – для органов власти и управления в Казахстане. Впервые публикуются выявленные персональные характеристики и дополнительные биографические сведения о некоторых казахских студентах КУТВ, в том числе ставших видными участниками политической и культурной жизни республики.

Ключевые слова: национальные кадры, партийные учебные заведения, Коммунистические университет трудящихся Востока, студенты, Казахская АССР.

D.A. Amanzholova

Institute of Russian History RAS, Moscow, Russian Federation
e-mail: amanzholova19@mail.ru**Training of party personnel for the Kazakh ASSR:
social mobility and social restructuring (1920-1930s)**

The training of national cadres, primarily managerial ones, in party educational institutions was one of the most important areas of Soviet nation-building. The vertical social mobility of people from working-class backgrounds was a fundamental component of national and personnel policy, the root-and-branch policy, and the implementation of government policies aimed at class and ideological support for a new political, economic, and cultural order. The author shows the specifics of the organization of education, educational and educational process in educational institutions of the RCP(b)-VKP(b) in the Kazakh ASSR in the 1920s-1930s. The main focus is on the role of the Communist University of the Working People of the East (KUTV) in the education and upbringing of Kazakh communists and Komsomol members for government and management in Kazakhstan. For the first time, the identified personal characteristics and additional biographical information about some Kazakh students of KUTV, including those who have become prominent participants in the political and cultural life of the republic, are published.

Key words: National staff, party educational institutions, Communist University of the Working People of the East, students, Kazakh ASSR.

Д.А. Аманжолова

РФА Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы
e-mail: amanzholova19@mail.ru**Қазақ АССР үшін партия кадрларын даярлау: әлеуметтік ұтқырлық
және қоғамды қайта құрылымдау (1920-1930 жж.)**

Партиялық оқу орындарында ұлттық кадрларды, ең алдымен басқарушы кадрларды даярлау кеңестік мемлекет құрылысының маңызды бағыттарының бірі болды. Жұмысшы табынан шыққан адамдардың тік әлеуметтік ұтқырлығы ұлттық және кадрлық саясаттың, қоғамдық

жаңа саяси, экономикалық және мәдени құрылымын таптық және идеологиялық қамтамасыз ету жөніндегі биліктің бағдарламалық нұсқауларын ингенизациялау және жүзеге асырудың негізгі құрамдас бөлігі болды. Автор 1920-1930 жылдардағы Қазақ АССР-дегі РКП(б)-ВКП(б) оқу орындарында оқу-тәрбие беруді ұйымдастырудың ерекшеліктерін, оқу-тәрбие үрдісін көрсетеді. Шығыс еңбекшілерінің коммунистік университетінің (КУТВ) Қазақстандағы билік пен басқару органдарына қазақтарды – коммунистер мен комсомолецтерді даярлау мен тәрбиелеудегі рөліне басты назар аударылады. Алғаш рет ҚҰТВ-ның кейбір қазақ студенттері, оның ішінде республиканың саяси және мәдени өмірінің көрнекті қатысушылары болғандар туралы анықталған жеке бас ерекшеліктері мен қосымша өмірбаяндық мәліметтері жарияланды.

Түйін сөздер: Ұлттық кадрлар, партия оқу орындары, Шығыс еңбекшілерінің коммунистік университеті, студенттер, Қазақ АССР.

Введение

Советская модернизация привела к реструктуризации общества, когда прежде непричастные к власти слои населения прямо включались в институты государства на всех уровнях. Политизация этничности обусловила особое значение и целенаправленный контроль большевиков за национальным составом кадров, прежде всего в органах управления. Региональная номенклатура была важной политической силой в цементировании советской системы, воплощала классовый подход и принципы самоопределения народов. Представители титульной национальности должны были постепенно составить существенную и затем наиболее значительную часть не только в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, образовании, но прежде всего, в органах власти и управления. Последние наиболее наглядно воплощали принципы политизации этничности и национального равенства, а коренизация обеспечила создание советской этнополитической элиты. Масштабную работу по выдвижению и подготовке национальных кадров можно было выполнить успешно на основе серьезных социально-экономических преобразований, единого массового образования на национальных и русском языках, кардинального прогресса культуры большинства населения. Важнейшее место в этой многоплановой деятельности заняли партийные учебные заведения, призванные готовить авангард нового управленческого класса. Местные, региональные и центральные курсы, школы, вузы складывались постепенно в единую систему, а организация обучения, педагогической деятельности, воспитательной работы соединяла имевшийся опыт с творческими наработками, которые приобрели организованный характер и сыграли немаловажную роль в формировании партийной, советской, хозяйственной элиты национальных республик. Изучение этого опыта помогает уточнить цен-

ные данные о специфике социальной мобильности представителей основных групп титульных национальностей (рабочих и крестьян) в условиях советского нациестроительства, дополнить представления о значении и инерционном влиянии качественных трансформаций социальной структуры общества и его культурного ландшафта в XX веке.

Методы и методология

Основу исследования составили неопубликованные документы и материалы фондов 17 и 532 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Анализ историографии и вновь выявленных источников вкупе с другими материалами и документами дает возможность восстановить некоторые важные сведения по поводу особенностей социальной реструктуризации и мобильности в Казахской АССР в раннесоветский период, характера, содержания и значения образовательного процесса в системе партийной подготовки, эпизоды деловой карьеры и ее траектории представителей политического класса республики. Исследование избранной проблемы осуществлялось на основе проблемно-хронологического подхода, с использованием методов индукции и дедукции, систематизации и классификации, сравнительного, статистического, междисциплинарности, просопографии, историзма и объективности.

Обсуждение

Социальная реструктуризация и мобильность в казахском обществе в раннесоветский период в новейшей историографии освещаются частично, в рамках изучения конкретных сфер советской модернизации. Сегодня востребовано целостное представление об этих процессах, имевших важнейшее значение в трансформации общественного и культурного ландшафта в XX

веке и обладающих инерционным влиянием в постсоветское время. Рассматриваемые в статье вопросы служат наполнению историографического багажа в указанном круге вопросов. Подготовка национальных кадров в партийных учебных заведениях разного уровня наиболее подробно освещалась в советской историографии. Современная научная литература уточняет и дополняет ее новыми данными, прежде всего, на примерах разных национальных регионов, уделяя внимание их специфике, социально-культурным факторам коренизации и нациестроительства. Имеющиеся наработки освобождают от необходимости повторять известные факты из истории партийных учебных заведений и Коммунистического университета трудящихся Востока – КУТВ. Она изучается ныне с учетом известных наработок советского периода (Леонova, 1979; Соловей, 1990: 87-98) и потребностей в новом осмыслении и дополнении уникального советского опыта в подготовке кадров для этнополитической элиты СССР и государств, которые ныне называют Глобальным Югом. В этом контексте рассматриваются вопросы организации и структуры университета, этапы становления учебного процесса, особенности работы вуза и его преподавательского состава с разными категориями студентов. Обращается внимание на существенную роль КУТВ в подготовке кадров под руководством Коминтерна для зарубежной элиты стран Азии и Африки (Панин, 2013: 201-206; Шашкова, Шпаковская, 2018: 704-716; Даудов, Мамышева, 2022: 372-384).

В то же время подготовка работников, прежде всего среднего звена, многие из которых вошли в состав национальной элиты союзных республик и автономий СССР, в стенах элитного партийного учебного заведения пока реконструируется фрагментарно. Р.Ш. Харунов осветил подготовку кадров для Тувы на курсах хошунных работников КУТВ. Он делает вывод о том, что почти все 200 выпускников университета стали партийной элитой Тувы, а к середине 1930-х гг. заняли руководящие посты в республике (Харунов, 2013: 58-61). Е.П. Малышева выявила некоторые сведения о 4 студентах-хакасах и справедливо отмечает трудности с установлением точного числа студентов той или иной национальности, а также с изучением их личных дел (Мамышева, 2015: 61-64). Полезные сведения об организации обучения в КУТВ и казахских студентах университета опубликовали М. Амандосова и А. Венцель (Amandossova, Ventsel, 2024: 128-137).

В настоящее время комплексной и систематизированной картины обучения казахских студентов в КУТВ и их дальнейшей служебной карьеры, нет, опубликованные сюжеты не рассматриваются во взаимосвязи с работой местных учебных заведений – советско-партийных, профсоюзных и других школ, курсов и т.д. Личные дела 37 студентов, предположительно казахов, находятся в архивохранилище № 1 в г. Йошкар-Ола, и доступ к ним затруднен. В то же время данные о развитии системы партийного образования в Казахской АССР, а также выявленные на сегодня документы и материалы о деятельности КУТВ, главным образом, неопубликованные, позволяют уточнить некоторые важные аспекты вклада этого учебного заведения в реструктуризацию социального пространства политической власти в СССР на примере Казахской АССР.

Результаты

Программа и конкретные шаги советской власти были нацелены на радикальное преобразование государственного аппарата и всей системы жизнедеятельности общества на основе предоставления власти трудящимся с обеспечением национального равенства. Это означало не только изменение социальной структуры общества, но и резкий рост вертикальной мобильности для представителей трудовых слоев населения всех национальностей. На XII съезде РКП(б) 1923 г. в резолюции «По национальному вопросу» термин коренизация не употреблялся, но требование насытить органы власти и управления национальными кадрами и обеспечить употребление национальных языков на деле обеспечило ее начало. В резолюции предписывалось, чтобы «д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обеспечивающих местное национальное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств» (XII съезд РКП(б), 1968: 695-696). В условиях становления КАССР заполнение чиновничьих структур национальными кадрами в первую очередь зависело от общих масштабов и качества подготовки специалистов. Начавшееся в 1920-е гг. создание

полноценной системы образования было тесно увязано с острой потребностью в кадрах и с идейно-политической «перекодировкой» программы, содержания обучения, принципов подготовки кадров для всех звеньев школы – от пунктов ликвидации безграмотности до вузов. С учетом низкого уровня общей грамотности, который был характерен тогда для большинства народов СССР, эта задача была крайне сложной. Власть должна была оперативно развернуть сеть учебных заведений – от начальных до высших – для подготовки специалистов всех направлений с одновременной всесторонней модернизацией хозяйства, социальной сферы, инфраструктуры и т.д. Эта грандиозная программа реализовалась в экстремальных условиях (острый дефицит педагогов, финансов, технических средств и методического арсенала), а параллельно формировавшийся управленческий класс по необходимости пополнялся прежде всего на основе лояльности власти и большевистской идеологии при минимальной наличной образованности и желательном опыте организаторской и политической деятельности. В формировании этнобюрократии соблюсти данные критерии зачастую было особенно сложно в связи с требованиями пролетарского или бедняцкого крестьянского происхождения, а также принадлежности к партии большевиков или ее молодежной организации – коммунистическому союзу молодежи (РКСМ).

«Во всей Киргизии [этноним казахи стал использоваться с 1925 г. – Д.А.], – писал в 1920 г. глава КирВРК (Киргизский военно-революционный комитет) С.С. Пестковский, – найдется сейчас едва 2-3 десятка надежных и сознательных коммунистов-киргиз. ... нужно брать молодых киргиз, не служивших еще при старом режиме, еще не испорченных, обучать их на общеобразовательных и административных курсах в спешном порядке и бросать затем в степь для работы» (Пестковский, 1920). Основными способами образования для правящего класса и всей управленческой страты были ускоренная подготовка представителей социальных низов на всевозможных местных и региональных курсах и школах политпросвещения; вовлечение казахского населения в многочисленные общественные организации, прежде всего профсоюзы, кооперативы и комсомол, для скорейшего отбора активистов и выдвижения их на советскую и партийную работу; прикрепление выдвиженцев как практикантов для получения начального управленческого опыта в наркоматы, советские и другие органы;

направление казахских выдвиженцев в европейскую часть СССР и наоборот – «европейских» работников в Казахстан; создание сети средних и высших партийных учебных заведений в республике и направление в Москву и Ленинград работников, проявивших себя наиболее активно на общественной и партийной работе.

Специальные партийные школы и вузы, наряду с общеобразовательными учреждениями, занимали особое место. При этом в силу общего дефицита финансов, тяжелых хозяйственных обстоятельств после недавней войны, массовых эпидемий и голода положение в системе образования вообще и в созданных сразу после образования КАССР партшколах было тяжелым. К примеру, в Семипалатинске весной 1921 г. президиуму губкома РКП(б) было доложено, что курсанты «массово больны цингой», питание скудно, в т.ч. из-за неудовлетворительного пайка, у них «совершенно нет» обмундирования, остро не хватает хозяйственного инвентаря, положенного по штату. Занятия срывались из-за отправки курсантов на караульную службу в гарнизоне, отсутствия или прогулов лекторов. Губком поручил ответственным структурам обеспечить школу продовольствием и обмундированием (ЦДНИ ВКО. Ф.1. Оп.1. Д.40а. Л.105). Член Кирпартбюро А.Д. Авдеев отметил на 1-й краевой партконференции (июнь 1921 г.), что казахской группой партшколы в Оренбурге руководил беспартийный казах, поскольку коммунистов подыскать не смогли (Протоколы, 1935: 35).

В ноябре 1921 г. ЦК РКП(б) признал необходимость специальной подготовки партийных кадров для всех отраслей «работы, которые были бы основательно знакомы с теорией и практикой коммунизма» (Коммунистическая партия, 1983: 453). В том же году в Оренбурге была открыта первая в КАССР советско-партийная школа (1921-1925), в 1922 г. – совпартшколы 1-й ступени в Кустанае, Петропавловске и Уральске, 2-й ступени – в Семипалатинске. Общее число слушателей всех этих школ составило 756 чел. (в т.ч. 76 казахов), в 1923 г. 166 выпускников были направлены в партийные комитеты, 123 – в комсомольские и 9 в профсоюзные органы, 124 – в советские учреждения. Правда, треть выпускников оказалась слабо подготовлена (Григорьев, Джагпаров, Осипов, 1989: 114-115; РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.598. Л.60). 247 курсантов за первый год отсеялись по разным причинам (Григорьев, Джагпаров, Осипов, 1989: 114), прежде всего из-за тяжелого материального положения

и плохих условий в самих школах. Так, в Кустанае губернскую совпартшколу в 1922 г. мешали открыть проблемы материально-технического обеспечения. Губком партии был вынужден выделить из своих средств «пайковый и денежный фонд», привлечь к материальному обеспечению хозяйственные органы и обратиться за помощью в центр автономии. 4-хмесячные усилия обеспечили открытие школы в начале 1923 г. Кроме того, губком открыл «школу ликвидации гражданской неграмотности» для членов партии (политшколу), в которой учились 20 человек (Отчет, 1923: 41).

В 1923/24 учебном году в Казахской АССР работали 9 совпартшкол с 869 слушателями, казахи в них составляли 36% (313 чел.). Преподавание на казахском языке было поручено руководителям республики в качестве партийной обязанности независимо от текущих задач по должности. Лекторами стали председатель КЦИК, член Кирбюро ЦК и Кирбокома С. Мендешев, глава правительства республики С. Сейфуллин, наркомы и работники Кирбокома партии А. Айтиев, А. Досов, Н. Залиев, Н. Иралин, У. Исаев, И. Курамысов, Н. Нурмаков, Н. Сыргабеков, А. Уразбаева и др. (Григорьев, Джагпаров, Осипов, 1989: 115). За период между V и VI республиканскими партконференциями (декабрь 1925 – ноябрь 1927 гг.) были организованы 2 краевых курса подготовки волостных партработников, их закончили 63 чел. На длительную работу (от 7 до 5 мес.) в аулы были направлены 5 работников краевого масштаба (РГАСПИ. Ф.17. Оп.25. Д.7. Л.28).

Подготовке новой элиты способствовали центральные партийные учебные заведения. Направление в эти вузы осуществляли все регионы страны, но удельный вес представителей тех или иных национальностей был разным в зависимости от образовательного потенциала и уровня политической подготовки направляемых. Так, в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, который работал с 1918 по 1937 гг. и готовил партийно-советские кадры, в рамках подготовки профсоюзных кадров в 1921 г. было выделено 5 мест для Кирбюро ВЦСПС, но к ноябрю Казахская АССР не направила ни одного слушателя. При этом положение в аналогичных учебных заведениях в после окончания гражданской войны, в условиях голода и разрухи, было сложным. К примеру, в Высшей школе профдвижения в декабре 1921 г. в помещениях температура была 3–4° ниже нуля, и курсанты были заняты «исключительно со-

хранением себя от замерзания» (ГА РФ. Ф.5451. Оп.5. Д.594. Л.24-25; Д.610. Л.18).

Особую роль в подготовке советской этнополитической элиты сыграл Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), работавший с 1921 по 1938 гг. и нацеленный прежде всего на помощь Коминтерну в продвижении коммунистических идей в зарубежных странах Востока. На 15 сентября 1921 г. в КУТВ, открытом в апреле 1921 г., обучались 22 казаха, на 1 декабря 1921 г. – 25, на 15 октября 1922 г. – 76, в т.ч. 10 женщин, на 1 января 1923 г. – 70, в т.ч. 8 женщин, на 1 марта 1923 г. – всего 63, в т.ч. 8 женщин (РГАСПИ. Ф.17. Оп.67. Д.83. Л.17).

В начальный период в КУТВ, как и в других учебных заведениях страны, значительное место занимали вопросы набора обучающихся, организации учебного процесса и материально-бытовых условий для студентов. От 6–7 месячного обучения вскоре перешли к трехлетнему, а с 1929 г. к 4-хлетнему. В КУТВ была введена защита дипломных работ. Так, в 1927/28 уч.г. Орумбаев представил работу по теме «Переселенческая политика царского правительства в Семиречье» из 4 глав на 13 страницах. В отзыве указывалось, что более или менее удовлетворительная. Слабо построена 1-я глава «Цель колонизации Семиречья», которую следует переделать. Надо также уточнить по всей работе хронологию. Для работы использованы главным образом труды Галузо и Шкапского. Материал за тот краткий срок, который давался для дипломов, проработан порядочный». В 1938 г. Г.А. Оспанова защитила дипломную работу по теме «Медь Казахстана» из 9 глав на 38 листах. (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 13. Д. 96. Л. 1, 12; Д. 98).

КУТВ стал заниматься и подготовкой кадров для вузов, в том числе с 1927 г. в аспирантуре на философском, экономическом, историко-партийном и историческом отделениях. Принципы национального равенства и классового подхода, который требовал приема представителей трудящихся слоев общества, были решающими, но придерживаться их оказалось затруднительно. Уровень грамотности среди рабочих и крестьян повсеместно был низким, в том числе среди молодежи, среди абитуриентов от национальных регионов было крайне мало членов партии большевиков – РКП(б) – и созданного в 1918 г. коммунистического союза молодежи (комсомол, РКСМ-РЛКСМ-ВЛКСМ). Система обучения национальных кадров складывалась на основе накапливавшегося опыта, с учетом малочисленности студентов и дефицита преподавательских

кадров для работы на национальных языках. Так, к началу октября 1922 г. в КУТВ из состава организованного поначалу 6-недельного краткосрочного курса был выделен подготовительный курс. Студентов с учетом языковой подготовки, в том числе по русскому языку, разделили на 10 кружков: 4 интернациональных, 3 башкиро-узбеко-киргизо-татарских (БУКТ), 1 монгольский, 1 азербайджано-фарсидско-турецкий, 1 туркменский. Всего на курсе обучались 210 человек. 3 кружка т.н. БУКТ были вскоре реформированы, причем один распущен, а из остальных выделены лучшие студенты. В учебный план вошли политэкономика, экономическая география с изучением важнейших отраслей народного хозяйства республик, математика, русский язык, физико-химия, биология, история Запада, история России, введение в востоковедение, история РКП(б), история развития общественных форм, исторический материализм, советское строительство. Правда, поначалу сотрудникам вуза пришлось непросто: «Драки, ругань, воровство были довольно частым явлением. Хотя учение их и привлекало, но редкий из них занимался вне учебных часов». Высокая посещаемость занятий достигалась за счет строгих мер, вплоть до исключения. «В общежитии не было никакой дисциплины; отдельные студенты, желавшие заниматься дома, постоянно жаловались на полную невозможность даже читать». Однако за 5 месяцев произошли разительные перемены. Воспитательная и организационная работа дала плоды. Студенческие кружки и группы стали принимать по своей инициативе решения: «Знания нужны отсталым народам Востока и нашей собственной стране», и поскольку «советская власть тратит средства на обучение и содержание», все должны «заниматься прилежно», чтобы скорее поехать на места, посещать без пропуска все занятия, «не позволять кричать и драться в общежитии, чтобы не мешать всем, кто хочет заниматься, мешающих заниматься – предавать суду»; после 24 часов не допускать разговоры, замеченных в воровстве исключать. Руководство отмечало: «Побывавший уже некоторое время в университете балкарец или туркмен, способный продолжать занятия, представляет собой гораздо большую ценность, как будущий работник, нежели вновь приезжающий с мест», поэтому выросло число оставленных для продолжения учебы и работы студентов (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 3-7, 22, 74-75).

Основная группа студентов набиралась для подготовки работников волостного и уездного

масштаба, инструкторская с политико-просветительным, экономическим и административно-правовым циклами предметов готовила кадры для наркоматов, совнархозов и других структур управления народным хозяйством, лекторская обучала студентов для работы в советско-партийных школах восточных регионов СССР. Поскольку поступавшие в коммунистические вузы «не привыкли к систематической умственной работе. У них нет теоретической подготовки; запас их знаний – весьма скудный» (Рындич, 1926: 6), ставилась задача найти методы, обеспечивавшие лучшее понимание и усвоение учебной программы. Лекции не могли быть главной формой занятий. Обучение проводили в кружках, что давало студентам больше возможностей приобрести прочные знания в условиях дефицита преподавателей, особенно со знанием восточных языков, литературы, учебных и наглядных пособий. Это, как и различия между обучающимися в подготовке и «социально-экономической среде выхода», составляло основные трудности в работе с ними.

Преподавателям удавалось повышать интерес к учебе «вследствие использования данных о местных условиях», на конкретных примерах организации быта и природы. Выяснилось, что интерес студентов вызывали и задания на лето по сбору материалов на местах. Из-за плохого знания русского языка для освоения учебной программы приходилось использовать коллективное чтение, беседы, более развитые студенты готовили доклады. Идеино-политическая подготовка, связанная с необходимостью освоения не только истории классовой борьбы, но и экономической, философской проблематики, шла с трудом, поскольку требовала развитого абстрактного мышления. Несмотря на отсутствие печатных материалов «по истории развития общественных форм», преподаватели отмечали, что у студентов появились «зачатки понимания исторического процесса». На политические науки отводилось 8-12 часов в неделю, остальное время занимали общеобразовательные предметы. Однако в тюркском и азербайджанском секторах курс прошел неудачно, так как рассказывать студентам «о классовой борьбе на Западе» было сложно из-за отсутствия знаний по географии, разрывов в хронологии и примеров по странам, слабой подготовки лекторов, в роли которых часто выступали студенты лекторской группы. Курс политэкономии в тюркском и азербайджанском кружках провалился. Изучение истории РКП(б) прошло более удачно, но вы-

яснилось, что необходимо преподавать историю национальных, в том числе социалистических партий тех регионов, откуда прибыли студенты. Большой интерес они проявляли к истории колониального и национального вопросов, требуя включить его там, где он не предусматривался по программе, а также востоковедению. В т.н. тюркском секторе лекции, в частности, читал М. Султан-Галиев, но он «далеко не аккуратен» являлся на занятия, и в итоге курс не был закончен («как часто бывает с наркоманами, ни тов. Султан-Галиев, ни тов. Гусейнов, несмотря на неоднократные просьбы, не представили ни программы, ни годовичного отчета»). Университету требовались преподаватели со знанием узбекского и киргизского (казахского) языков, поскольку студенты были недовольны, что занятия велись на татарском языке как родном (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 11, 66-67, 70).

Большое место занимало чтение и конспектирование литературы, причем делать это приходилось коллективно из-за дефицита нужных книг, а итоговая конференция в виде собеседования была призвана выяснить степень освоения материала и содействовать обсуждению и уточнению сложных тем и вопросов. «Каждый кусок знаний, преподносимых курсантам, должен заключать в себе элементы, близкие и знакомые курсанту, – такие элементы, с которыми связаны его думы и переживания, которые отвечают тем или иным интересам или запросам курсантов. Построенное так преподавание способно концентрировать максимум внимания, облегчая курсанту эту концентрацию. При этих условиях занятия протекают более легко, свободно, оживленно. Теоретические знания, воспринятые не только «умственным» путем, не скользят по поверхности сознания, как это часто бывает, а прочно усваиваются» (Рындич, 1926: 6). Важное место отводилось практике, в том числе во время каникул в национальных регионах страны, а в период учебы на предприятиях столицы. Наглядность как эффективный метод обучения реализовался через экскурсии, в частности, на Воробьевы горы, по биологии, физике и химии, математике. В 1921-1922 гг. было организовано более 400 экскурсий в год, при этом около 70% проводились на производстве (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 167. Л. 4. 23; Д. 238. Л. 99).

Для работы со студентами из разных регионов были подготовлены пособия по экономической географии на основе краеведения, 2 комплекта по Татарской и Азербайджанской республикам, некоторые диаграммы и карто-

граммы по Татарской, Азербайджанской, Туркестанской, Башкирской республикам (полный комплект имелся только по Татарской АССР). Преподаватели составили диаграммы по экономической истории Туркестана, включая показатели о посевах хлопка, заводах, состоянии железных дорог и др., библиографические указатели по Туркестану, Бухаре, Хиве, Татарии, Башкирии, отчасти по Азербайджану и Киргизии, получили коллекцию местных производств Дагестана. В КУТВ работали кружки по изготовлению простейших приборов по математике, физике и химии. Досуг организовывали шахматный, драматический, танцевальный, ораторский, газетный кружки, игры на рояле и языковые. Огромный интерес вызывали книги: читальня библиотеки работала по 14 часов в сутки. Драмкружок без некой «теоретической работы» быстро подготовил постановку «Суд над горянкой» и провел т.н. комсомольскую пасху, включавшую хоровой революционный репертуар и пьесу «Бог отец, Бог сын и компания», провел серию инсценировок на национальных языках, в которых участвовали более 200 курсантов. В инсценировки вошли монгольская пьеса «Власть шаманов», китайская и узбекская антирелигиозные постановки, турецкая коллективная декламация, национальные хоры, частушки и лубок. Газетный и ораторский кружки работали плохо. КУТВ организовал киносеансы с участием лекторов, а в день Парижской коммуны (18 марта) для студентов университета в театре В. Мейерхольда был поставлен спектакль «За коммуны», в 1-й студии Художественного театра все студенты посмотрели спектакль «Гибель Надежды» по драме голландского писателя Г. Гейерманса, посетили и Большой театр. Сами студенты выступали со спектаклями для рабочих, в том числе для рабочей молодежи (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 35-38, 44-47, 49).

Серьезным препятствием оказалось состояние здоровья поступающих. Его устанавливала специальная медицинская комиссия, по результатам работы которой не все направленные на учебу признавались годными. Обследование в 1922 г. показало, что 44% курсантов университета нуждались в хорошем отдыхе, у остальных также наблюдались признаки истощения и переутомления (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 237. Л. 87). Ежемесячные медицинские обследования стали важной частью контроля состояния студентов на протяжении всего обучения в КУТВ (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 2. Л. 94; Д. 842. Л. 1-4) и других вузах. В 1920 г. в Свердловском уни-

верситете выявили «злостных неврастеников» и болевших цингой. В КУТВ 1-й семестр 1921/22 уч.г. не удалось довести до конца, поскольку 44% курсантов нуждались после осмотра в амбулатории в немедленном перерыве и отправке на отдых, у остальных констатировались признаки истощения и переутомляемости. Регулярные занятия, но не по всем предметам, начались лишь 3 февраля (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 2. Л. 94). В 1922 г. медкомиссия КУТВ откомандировала 200 человек «по разным болезням – венерические, туберкулез и др.», часть отправлялась в лечебницы. Лечение постепенно давало результаты, врачи фиксировали: «сейчас все поправляются, повышается вес» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 13. Л. 32-33).

Организацией снабжения и обслуживания студентов и преподавателей в КУТВ занимались основательно. В 1921 г. нормы и порядок снабжения студентов и служащих университета трудящихся Востока были приравнены к нормам и порядку снабжения студентов и служащих Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова (Декреты Советской власти, 2009: 302-302). Хорошее представление о проблемах, с которыми сталкивались сотрудники КУТВ в начальный период его деятельности, дают сведения из отчетов. В 1921 г. вместо 800 студентов было принято свыше 1000. В университете не хватало аудиторий и жилплощади. Дома, переданные под общежития, были «в катастрофическом состоянии». Административно-хозяйственной части все же удалось обеспечить работу трубопровода и отопление, прачечная обеспечивала 50 пудов стирки в месяц. При вузе открыли амбулатории с приемом студентов и зубным кабинетом, проводились ежемесячные медосмотры и еженедельные дезинфекционные уборки в общежитиях. Из выделенных КУТВ 3.412.549.718 рублей на 1 декабря было израсходовано 2.349.965.619. На эти средства в том числе было приобретено полное обмундирование на 800 студентов – чулки, женские и мужские ботинки, носки, фуфайки, теплые кальсоны, меховые шапки, куртки, фартуки, перчатки, дамские кофточки, юбки, сандалии, рубашки, лыковые лапти 500 пар, мужские кальсоны, медицинские халаты, замотки, шинели, летние шаровары, зимние шлемы, канцелярские принадлежности, инструменты, оборудование и мебель, посуда. Недостающие 300 пар обуви закупались дополнительно. Работали сапожная и портняжная мастерские, проводилась заготовка дров для отопления помещений. Еженедельно студенты

могли постричься и побриться в парикмахерской. По договору с Центральными банями Москвы студенты посещали их раз в неделю.

В КУТВ работала столовая на 700 человек, при этом норма пайка для студентов и лекторов включала в фунтах (1 фунт – 453,5 грамма): хлеба 90 ф., сельди 11,5, сахара 2, жиров 2,5, соли 3, кофе 0,25, овощей 30. Для спичек, табака, мыла, крупы, муки нормы не были определены. Студенты получали на руки хлеб, сахар, спички, табак, мыло, остальное шло «в общий котел» по расчету на 1 чел. в золотниках (1 золотник – 4,266 грамма). В отчете за 1921/22 г. отмечалась недисциплинированность студентов «из отсталых окраин, не знающих города»: в первые дни в столовой «бросались с жадностью на еду, теперь чувство коллективизма закрепилось». По хлебу и табаку выявился перерасход, а овощи и крупы остались в запасе. Пайки получали 33% семей обучавшихся и работающих. На день Октябрьской революции 7 ноября администрация закупила «предметы роскоши – 40 в[е]дер вина, орехи, рис и консервы». Вместе с неизрасходованными продуктами их направили на совместное празднование. Коммуна, которая была создана из студентов для организации быта и совместного обучения, как считало руководство, «освобождает от нэповского влияния улицы, но дает возможность по определенной дороге развивать эту самостоятельность в смысле лучшей организации своего внутреннего быта, лучшего использования своих возможностей, расходования своих средств» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 2. Л. 76-78, 82, Д. 13. Л. 40-42, 47). В отчете за 1924 г. отмечалось, что коммуна дисциплинировала и «уничтожала индивидуалистические привычки студентов». В вузе работали совет физической и санитарной культуры, отделы продовольственный, административный, культурно-театральный, касса взаимопомощи. В Подмоскovie был открыт дом отдыха, работали ясли на 30 человек, со скидкой закупались книги на разных языках (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 12, Л. 48, 50).

В конце 1925 г. в КУТВ им. Сталина около 25% слушателей были беспартийными, 75% имел «непролетарский» социальный статус. В университете обучались представители 72 национальностей, около трети из них были иностранцы из «отсталых стран». Ректор КУТВ Г.И. Бройдо жаловался в ЦК и ЦКК ВКП(б) на слабый состав преподавателей, которые не борются с группировками среди слушателей отдельных стран. Еще в январе в письме И.В. Сталину он писал: «Я руковожу КУТВом в течение

4-х лет. Мало членов партии понимает, что это одна из труднейших позиций для работника. Руководить и достигать единства в Ячейке из 72 национальностей с 3-4 группировками в каждой, с крестьянской массой, живущей тысячей уклонов, при условии, когда Ректор (если он не хочет быть спокойно управляющим бюрократом) должен проводить партийно-воспитательную работу, перманентно занимая позицию против течения, в борьбе с уклонами – это работа, которая имеет право на большое внимание» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.764. Л.23, 21).

Динамику изменения численности казахских студентов установить можно частично, на основе данных отчетов руководителей курсов и других сводных данных. В 1921/22 уч.г. среди оставленных и переведенных на следующий курс 407 студентов университета киргизов (казахов) было 14. Всего в это время в КУТВ обучались представители 45 национальностей, в том числе 11 узбеков, 1 таджик, 6 таранчей. На 1 апреля 1922 г. в КУТВ числилось 19 казахов (женщин среди них не было), в т.ч. в инструкторском секторе и на курсе естествознания по 2 человека, на 1 декабря 1923 г. – 23 (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 12, Л.48, 50). На курсах естествознания в 1922 г. обучались 2 казаха (всего 59 слушателей). Инструкторскую школу КУТВ окончили тоже 2 казаха (всего 82 чел.). Среди лекторов университета было 13 казахов. В целом из 672 студентов КУТВ в декабре 1922 г. казахов было 23, женщин среди них не было. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.237. Л.11-25). Потребность в расширении подготовки партийных кадров и организации единой образовательной системы обусловила создание в 1923 г. отделений КУТВ в Ташкенте, Баку, Иркутске, Саратове и на Северном Кавказе с менее сложной программой обучения, всего их было 17. В 1924 г. в КУТВ обучались 57 казахов, в т.ч. 7 женщин (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 12. Л.2).

В военно-учетном столе КУТВ в 1921-1923 гг. были отмечены следующие студенты из Казахстана: Мусалим Камбирукович Камардинов, 1902 г.р., направленный из г. Талгар Семиреченской области, Верненского уезда, имел низшее образование, являлся членом РКСМ, главным занятием до революции было хлебопашество. 20-летний таранчинец Имен Рахимов владел русским языком, до революции был учеником, прибыл из Семиреченской области, состоял в комсомоле Туркестана с 1920 г., на учете значился в Алма-Ате. Член РКСМ, киргиз Саралинов Уразали Атабекович 1902 г.р. (РГАСПИ.

Ф. 532. Оп. 11. Д. 14. Л. 37, 58, 63). Он родился в с. Учурок Кеминской волости Пишпекского уезда Семиреченской области, имел низшее образование, до революции был чернорабочим. О нем известно также, что он был комиссаром Первого Киргизского кавалерийского дивизиона, вступил в партию в 1931 г., в 1935 г. работал директором Иссык-Кульской МТС и заведующим Нарынским районного заготовительным отделом. Участник Великой Отечественной войны, У.Саралинов имел звание гвардии капитана и был награжден орденом Красной Звезды. (<https://centrasia.org/person2.php?st=1554916931&ysclid=m7t6we1gke686067085#gsc.tab=0>). Его сын был М.У. Саралинов (1941-2021) – известный киргизский дипломат (Карагулов, 2017: 177).

Национальность студента в документах, в т.ч. характеристиках, указывалась не всегда. Между тем КУТВ стал хорошим стартом для ряда казахских деятелей. Так, в 1925 г. в составе лекторской группы, которая готовила преподавателей для советско-партийных школ республик СССР, на завершающем 3 курсе КУТВ обучался Бейсенбай Кенжебаев (в деле Кенджибаев). Краткая характеристика студента, типичная для отчетной документации вуза, содержала следующие сведения: «Общее развитие среднее, русской речью владеет плохо. Работоспособность средняя. С книгой работает с трудом, но в материале ориентируется. Мало активен. Усвоение среднее по всем предметам, по политэкономии ниже среднего. Подход к теор[етическим] вопросам довольно правильный» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 70. Л. 45). Б. Кенжебаев (1904-1987) составляет пример блестящей карьеры советского выдвиженца. Уроженец аула Боген Ордабасинского района Южно-Казахстанской области, он начал журналистскую деятельность довольно рано – в 19 лет. После окончания КУТВ еще два года обучался в Институте литературы. В 1929 г. стал первым редактором первой газеты на казахском языке «Кенес туы» в Павлодаре. В 1942 г. он окончил факультет журналистики Казахского государственного университета, работал в редакциях газет «Жас қайрат», «Лениншіл жас», «Оңтүстік Қазақстан», главным редактором газеты «Социалистік Қазақстан», редактором, заведующим отделом и переводчиком в структуре Верховного Совета СССР. В годы Великой Отечественной войны он был главным редактором Казахского государственного литературного издательства, а с 1961 г. трудился в Казахском государственном университете. Кенжебаев известен как исследователь истории ка-

захской литературы, переводчик, автор учебных пособий и хрестоматий, был отмечен орденом Ленина и другими государственными наградами.

Среди сокурсников Кенжебаева из той же группы был и один из основателей казахской детской литературы Утебай Турманжанов (в деле значится как Турманджанов Уребай). На завершающем курсе ему дали следующую характеристику: «Общее развитие среднее, русской речью владеет плохо. Работоспособность средняя. С книгой работает с трудом, но в материале ориентируется. Мало активен. Усвоение среднее по всем предметам, по политэкономии ниже среднего. Подход к теор[етическим] вопросам довольно правильный» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 70. Л. 46). У.Т. Турманжанов (1905-1978) воспитывался в детском доме, и в КУТВ проявил свои способности, возглавляя литературный кружок. Затем работал заместителем ответственного редактора одного из изданий в Алма-Ате, но в 1938 г. был арестован по обвинению в принадлежности к «национал – фашистской» организации и в 1940 г. приговорен к 8 годам заключения. После пребывания в лагерях реабилитирован в 1956 г. Творчество У. Турманжанова демонстрировало верность советским идеологическим канонам, а после реабилитации он занялся детской литературой и казахским фольклором, в т.ч. подготовил к изданию сборник 4000 пословиц и поговорок, переводил на казахский язык произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, в 1959 г. был награжден медалью «За трудовое отличие», в 1974 г. – орденом Трудового Красного Знамени.

Еще одна студентка КУТВ Мариам Капсалимова получила такую характеристику: «Общее развитие среднее, русской речью владеет хорошо. Работоспособность средняя. Навыки самостоятельной работы средние. Мало активна. Усвоение среднее. Пригодна к организационной работе. Подход к теор[етическим] вопросам довольно правильный» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 70. Л. 45). М. Капсалимова (25.05.1900-?) родилась в семье переводчика по найму в г. Аулие-Ата Сырдарьинской области, проучилась 5 лет в женской гимназии, затем окончила 6-месячные педагогические курсы в г. Наманган. В комсомол вступила в 1919 г., в партию в 1920 г. В это время она работала учителем школы 1-й ступени, заведовала женским отделом Наманганского уездного горкома партии. Затем она возглавляла женский отдел Ферганского обкома, в 1923 г. была заместителем женского отдела уже в ЦК Компартии Туркестана. Училась в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, а на

основном 3-годичном отделении КУТВ – в 1922-1925 гг. Дальнейшая карьера Капсалимовой была связана с Узбекистаном: с октября 1925 по апрель 1926 гг. инструктор женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б), затем до 1928 г. зав. подотделом нацменьшинств Ташкентского обкома, в 1928-1930 гг. руководила окружной текстильной школой в Ташкенте, с июня 1930 до сентября 1933 г. заведовала республиканской профтехшколой шелкообработки Узбекского промыслового союза, затем была директором Среднеазиатского учебного комбината промкооперации в Ташкенте (<https://centrasia.org/person2.php?st=1714498702&ysclid=m7t2jl62qe547799348#gsc.tab=0>).

Карим Усманов получил следующую характеристику: «Общее развитие среднее, русской речью владеет плохо. Работоспособность средняя. С книгой работает с трудом, но в материале ориентируется. Мало активен. Усвоение среднее по всем предметам, по политэкономии ниже среднего. Подход к теор[етическим] вопросам довольно правильный» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 70. Л. 46). Дополнительные сведения о нем не установлены. Возможно, речь идет о Кариме Исхаковиче Усманове 1904 г.р., который родился в г. Семипалатинске, окончил медресе и 4 класса русской школы. Он был участником войны (сержант 951 артиллерийского полка 391 стрелковой дивизии), награжден тремя медалями, в т.ч. «За отвагу», орденом Красной Звезды. (<https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero75181617/>). На сайте «Бессмертный полк» о Каримове указано: «Воевал героически, был примером для солдат, неоднократно присылал домой вырезки из фронтовых газет, где отображались его мужество и героизм на войне, был принят в ВКП(б). В боях получил неоднократно ранения и возвращался в строй. Имел 5-х детей, любил играть на скрипке. Похоронен в Казахстане» (<https://www.moypolk.ru/soldier/usmanov-karim-ishakovich>).

Характеристики студентов могли дополняться в отчетах руководителей разных курсов и дисциплин, к примеру, такие сведения выявлены в отношении Ильяс Юсуповича Кабулова (Тибекин, 1968), представителя партийной номенклатуры раннесоветского периода, публициста и партийного журналиста: «Общее развитие хорошее. Русской речью устной владеет удовлетворительно, письменной недостаточно, что не мешало усвоению. Работоспособность и активность хорошая. Усвоение хорошее. Подход к теор[етическим] вопросам в целом правильный, но в отдельных деталях не вполне». В другой характеристике отмечалось: Кабулов «упорно

работает над всеми заданиями, подготавливает материалы. Активен, интерес большой, инициативен, усваивает медленно, но зато основательно» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 70. Л. 50, 97).

И.Ю. Кабулов (1904-1938) также представляет важный пример социальной мобильности, условия для которой возникли в советский период. Выходец из семьи рабочего Перовского уезда Сырдарьинской области, потерявший мать в 11 лет, до 14 лет он служил на посылках у баев, затем беспризорничал в Ташкенте. По воле случая встретив в 1918 г. на вокзале старшего брата, красноармейца Закаспийского фронта, Кабулов с его помощью определился в Александровский приют, впоследствии трудовую школу-комму в Ташкенте, там же «работал по организации ячеек». В 1920 г. вступил в комсомол (указывается также 1922 год). После окончания школы Кабулов, вероятно, проявивший активность, усердие и дисциплинированность, был направлен на 3-месячные подготовительные курсы, которые позволили поступить в КУТВ в 1922 г. Во время обучения, как и другие наиболее грамотные студенты, он получил полезные навыки практической работы в качестве руководителя кружков ЛКСМ на тормозном заводе и заводе «Изолятор» в Москве. На 2 курсе материал «усвоил хорошо» и был переведен на 3 курс с предоставлением отдыха в Крыму (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 39. Л.1).

Очевидно, характеристика деловых качеств Кабулова была объективной, а опыт учебы и работы в Москве помог служебному продвижению, поскольку уже в 1925 г. он оказался делегатом 5-й Всеказахской партконференции, на которой, в частности, как представитель молодежи выступил с критикой С. Ходжанова, Ж. Мунбаева и С. Садвокасова. Карьера выпускника КУТВ была достаточно успешной: в 1925-1928 гг. он преподавал исторический материализм и советское право в Среднеазиатском университете, одновременно выполняя общественную работу как председатель ячейки ЛКСМ и Ташкентского союза воинствующих безбожников, а также член Среднеазиатского бюро Союза безбожников СССР (до 1928 г.). В 1926-1928 гг. Кабулов возглавил партийную ячейку Казахского педагогического института в Ташкенте, с середины 1928 г. стал заведующим сектором печати агитационно-пропагандистского отдела Казкрайкома ВКП(б) и одновременно председателем научно-методического совета – членом коллегии наркомата просвещения Казахской ССР (до августа 1929 г.). Примером публицистики И. Кабулова

может служить его статья «Философия казахского поэта Абая и ее критика», подготовленная на основе доклада в кабинете казахского языка в Казахском пединституте в 1928 г. (Кабулов, 1928).

Зигзаги партийной биографии И.Ю. Кабулова отражают специфику кадровой политики власти в условиях мобилизационного рывка и модернизационных усилий государства, когда частая ротация управленцев была повсеместной практикой. В 1929-1930 гг. он заведовал агитационно-пропагандистским отделом Риддерского горкома партии, в 1930 г. был членом правительственной комиссии председателя ЦИК республики Е. Ерназарова по исправлению перегибов в колхозном движении. В 26 лет он вновь стал студентом по направлению философия Института красной профессуры (ИКП) в Москве. Студенты здесь учились 3 года и должны были со второго курса вести педагогическую работу в других вузах. Кабулов преподавал диалектический материализм в Московском архитектурном институте и в вузе, который закончил за 5 лет до этого, – КУТВ им. И.В. Сталина. Окончание ИКП определило дальнейшую карьеру Кабулова: в 1931-1933 гг. он заведовал философской кафедрой КУТВ и затем был командирован ЦК ВКП(б) на работу в Казахстан в качестве заместителя заведующего культурно-пропагандистским отделом Казкрайкома ВКП(б). С 1934 г. он руководил отделом культуры и пропаганды марксизма-ленинизма Казкрайкома ВКП(б) и преподавал философию в организованном в 1933 г. Казахском НИИ марксизма-ленинизма. И.Ю. Кабулов избирался членом КазЦИК 9 созыва (1935-1937 гг.). Как и многие другие выдвиженцы, 3 ноября 1937 г. он был арестован и приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г. (<https://centrasia.org/person2.php?st=1499751284#gsc.tab=0>). Репрессирован был и Аманжан Сарсенович Сарсенов (1911-?), уроженец Актюбинской области (Уильский район) служащий, член комсомола с 1926 г., в партии с 1932 г. В 1917-1923 гг. работал «в своем хозяйстве», в 1923-1928 гг. учился в детской коммуне в Уиле, окончил семилетку. В 1928-1931 гг. он руководил райкомом комсомола, в 1931-1932 гг. был старшим инструктором РККА в своем ауле, в 1932 г. заведовал агитпропотделом райкома партии и заместителем редактора областной национальной газеты. В 1933 г. окончил курсы партактива в КУТВ, а с сентября 1934 г. учился там же (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д.307. Л.1). До ареста в 1941 г. Сарсенов работал заведующий в редакции газеты

«Социалистік Қазақстан». Реабилитирован в 1955 г.

Опыт КУТВ имел существенное значение для организации работы национальных школ. На совещании национальных отделений совпартшкол 28 января – 1 февраля 1926 г. была принята резолюция о методах работы в национальных школах, рекомендовавшая принять за основу практически все то, что было апробировано в КУТВ (Совпартшколы и комвузы, 1926: 235-237). За 1925-1927 гг. были подготовлены и направлены в Казахстан 9 казахов, 2 киргиза и 3 татарина. Несмотря на признание низкого уровня подготовки поступавших в университет курсантов, отчислять их считалось нецелесообразным, поскольку это могло произвести «неблагоприятное впечатление на местах». Из выпускников-краткосрочников была командированная Семипалатинским губкомом партии Марьям Бакирова (1905 г.р.). В ее характеристике (февраль 1927 г.) отмечалось, что «общее развитие небольшое, имеет незначительный опыт практической работы, интерес к вопросам поверхностный, навыки самостоятельной работы в учебе небольшие; курс усвоила слабо. Годна на работу среди крестьянок и волостном масштабе». От ЦК комсомола республики учился Джумахмед Калабаев (1905 г.р., член партии с 1925 г.): «Небольшое общее развитие, нет опыта практической работы. К партийным обязанностям относится добросовестно, интересуется партийными вопросами, но подходит к вопросам поверхностно. В учебе проявил слабые навыки самостоятельной работы. Годен на комсомольскую работу в волостном масштабе».

На работу в волостном масштабе с подобными характеристиками были рекомендованы присланные ЦК КПТ выпускники – казахи Галия Алимбаева и Токберген Сулеев. На партийную работу были направлены также выпускники Миргалиев, Я. Асыров. Поступивший в 1923 г. комсомолец Тукебай Джайкбаев, 1904 г.р., направлялся на губернскую комсомольскую работу, но был болен хронической малярией и фиброзом верхушек легких, а потому нуждался, как указывала комиссия, в длительном лечении. А. Кангельдиев, коммунист с 1918 г., направленный ЦК КПТ в университет в 1922 г., страдал хроническим бронхитом. Среди направленных в республику на партийную, советскую и общественную работу казахов-выдвиженцев, окончивших КУТВ в 1926 г., были также Султан Леписов, Абуталиф Сейтинов, татарин Н. Гисматулин, киргиз Хасан Джиенбаев (1902-1938),

ставший в конце карьеры 2-м секретарем Киргизского обкома партии, Н. Ахмедов. На местах формированием идейно и политически надежных кадров занимались передвижные и стационарные школы, пропагандистские группы и т.п. В Казахстане в 1926/27 уч.г. действовали 88 передвижных и 15 стационарных школ, но посещаемость их была около 60-70%, а уровень подготовки выпускников недостаточный. В краевом союзе потребкооперации в 1926 г. было 3 казахских работника. Заведующий культурным отделом Семипалатинского губсовпрофа Кундакбаев, например, признался на II пленуме КСПС в октябре 1925 г., что сам остается почти неграмотным (РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.149. Л.59; Д.247. Л.13; Оп.69. Д.242. Л.5, 27-30, 43,45, 53, 96-98, 105; Д.268. Л.24-25, 35, 75; Оп.68. Д.353. Л.35). В 1934 -1935 гг. Карим Кундакбаев обучался в КУТВ.

Уровень подготовки кадров оставался недостаточным. В Джетысуйской парторганизации, к примеру, руководители, обучавшиеся на вечерних курсах, не смогли ответить, называть ли Г.В. Плеханова товарищем или гражданином. Вновь принятые в партию активисты Актюбинской губернии на собраниях с населением действовали прямолинейно – в случае неубедительности своих доводов для принятия какого-либо решения, заявляли: «Именем РКП России приказываю замолчать» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.152. Л.84, 115). Кроме того, «кто не попадает в крайком, тех вводят в контрольную комиссию. Выдвиженцев из своих губерний не хотят, платят по 100 рублей из других мест, а они не справляются», – рассказывала делегат VI партконференции Ворожеева (РГАСПИ. Ф.17. Оп.25. Д.6. Л.156-157). В отзыве о работе одного из лидеров молодежного движения в республике Ибата Сергазиевича Игенова (1903-1938) в должности секретаря Адаевского окружкома партии, члена партии с 1924 г., утвержденном секретариатом Казкрайкома в мае 1928 г., указывалось: с 1926 г. переброшен с комсомольской работы (ответсекретарь крайкома комсомола) на партработу. До мая 1928 г. он был секретарем Адаевского окружкома, членом крайкома 5 и 6 созывов. «Как член партии дисциплинирован. В работе ориентируется, но нуждается в теоретической подготовке». В 1937 г. он работал на мясокомбинате в Северо-Казахстанской области, был арестован и расстрелян в 1938 г. реабилитирован в 1958 г. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.25. Д.23. Л.88).

В 1928 г. из коммунистических университетов трудящихся Востока Москвы и Ленинграда

в Казахстан были направлены 6 выпускников (РГАСПИ. Ф.17. Оп.69. Д.431. Л.59). Выявленные характеристики трех студентов конца 1920-х гг. свидетельствуют о некотором улучшении общеобразовательного уровня поступавших и наличии у них опыта партийной работы. В 1926 г. на лекторский курс КУТВ поступил Шахзада Юсупов. В его характеристике за 1929/30 уч.г. было отмечено: «Казах, служащий. Год рождения 1904, член РКП(б) с 1926 г. В других партиях не состоял. Образование – до университета низшее. Семейное положение 5 чел. До университета работал секретарем горкома ВЛКСМ. Командирован Казак[ской] ССР (Сыр-Дарьинск[ая область]). Практическая работа в университете: 1927/28 г. – внутри университета член бюро ячейки ЛКСМ, 1928/29 г. – в райкоме ВЛКСМ инструктор комсомольских школ». В 1929/30 г. работал практикантом в АПО ЦК ВКП(б). На летней практике работал на летних краткосрочных курсах по переподготовке аульных парторботников и на курсах ВЛКСМ в качестве лектора. «К работе относился добросовестно и проявил достаточную теоретическую подготовку. Партвыдержан, дисциплинирован; в текущей политической жизни ориентируется правильно; активный, самостоятельный, способный, развитой. Отношение к партобязанностям, учебе и товарищам хорошее. Успеваемость хорошая. Рекомендуются на партрabоту (АПО) [агитационно-пропагандистский отдел – Д.А.]. Желает работать в Казакстане» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 211. Л. 32).

В 1928/29 уч. году на лекторском курсе КУТВ, наряду с Ш. Юсуповым, учились еще два посланца Казахской АССР. Имамбек Джанузаков, рабочий, 1897 г.р., член партии с 1920 г., в других партиях не состоял. В характеристике отмечалось, что до университета он окончил сельскую школу и совпартшколу 1-й ступени, был секретарем ячейки ВКП(б) и в КУТВ командирован Акмолинским губкомом партии. Джанузаков вел активную практическую работу в университете как парторганизатор и по профсоюзной линии на фабрике им. В. Ногина. «По натуре очень активный, но на профработе своей активности не проявил. Очевидно, прикрепление на профработу было неправильно, – указывалось далее. – На летней практике работал в одной из партячек на Турксибе, проводил политбеседы среди казахских и русских рабочих, помогал в повседневной работе низовым работникам. В 1929/30 г. выделен на практику в ЦК ВКП (б), в деревенский отдел. Партвыдержан,

дисциплинирован, в текущей политжизни ориентируется правильно. Развитой. Отношение к товарищам, партобязанностям и учебе хорошее. Достаточно способный. Успеваемость хорошая. Рекомендуются на партрabоту». Еще один студент Емберген Алтынбеков, рабочий, 1904 г.р., член партии с 1925 г., до КУТВ 2 года учился в Казахском институте, на попечении имел 3 иждивенцев, был членом исполкома бюро комсомола и командирован на учебу от ЦК ВКП(б). «В университете на практике хорошо работал на заводе «Изолятор», без труда вошел в рабочую среду, на летней практике работал в узбекской группе. Вел большую партсовработу, собирал материалы для научно-исследовательской ассоциации, показал недюжинные способности к самостоятельной работе. Рекомендуются на партрabоту, желает работать по оргпартлинии в Казахстане» (РГАСПИ. Ф. 532. Оп.8. Д. 211. Л. 10, 14).

К середине 1933 г. курсы национальных парторботников КУТВ окончили 9 казахов: Сертаев А., Нуралиев А., Кенжегарин Г., Курманбаев Х., Исакеева Г., Ибраев У., Баянбаев Ш. (возможно, Бейсенбаев), Байзаков, Аубакирова М. (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д.238. Л. 4). За подписью ректора и секретаря партийной ячейки КУТВ они получали учебно-партийные характеристики по итогам обучения, в том числе с указанием оценок по изучавшимся предметам. В сложившейся к этому времени программе обучения наряду с общеобразовательными дисциплинами (русский язык, математика, физика, биология, существенное внимание с создания КУТВ уделялось физической и экономической географии, в том числе национальных республик страны, а также общественно-политической подготовке, в ходе которой преподавались ленинизм, истмат (исторический материализм), история КИ (Коминтерна) и история ВКП(б), партийное строительство, политическая экономия. В итоговых характеристиках преобладали оценки удовлетворительно (уд.), весьма удовлетворительно (вуд), хорошо.

Стандартный текст, очевидно, составленный в 1933 г., можно рассмотреть на примере Бейсенбаева: «Член ВКП (б) с 1926 г., рождения 1897 г., по социальному положению батрак, по национальности казах. За время нахождения на курсах проявил себя активным, дисциплинированным, выдержанным, идеологически устойчивым членом партии. Боролся за генеральную линию партии в учебе и на практике. В вопросах политики партии разбирается правильно. Состо-

ял членом бюро ячейки курсов и членом профкома. Принимал активное участие в парт[ийной], общественной работе. Товарищеские отношения хорошие. Партвзысканиям не подвергался. На производстве является ведущим ударником, был премирован.

За время пребывания на курсах проработал следующие дисциплины: ленинизм – хор[ошо], партстр[оительств]о – уд[овлетворительно]+, истмат (исторический материализм) – вуд., эконом[ическая] геогр[афия] – хор[ошо], истор[ия] КИ – вуд. Физич[еская] геогр[афия] – вуд. Истор[ия] ВКП(б) – вуд. Русский яз[ык] – вуд. Политэконом[ия] – вуд. Математика – вуд. Физика – вуд. Биология – вуд.

Проходил учебно-производственную практику на предприятиях Москвы и выездную в 1932 г.». Характеристики были составлены также на казахских студентов А. Аскарлова, Т.Тыныбекова, Ф.К. Узбекову, Х. Бакшаишева, Ф.Далдабаеву, Н. Омарханова, Д. Чуkenову, У.Ибраева, С. Кушкенова (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 238. Л. 18, 28-136).

Выводы. Итак, система подготовки партийных кадров для органов власти и управления формировалась одновременно со всеми мероприятиями в сфере национальной политики и модернизации традиционных культур на основе советского проекта. В ходе коренизации образование и повышение идейно-политического уровня вступающих в правящую партию и комсомол представителей титульных национальностей приобретала организованный характер как на местах, так и в центральных учебных заведениях. Одну из ведущих ролей играли т.н. коммунистические университеты, а КУТВ не

только был институтом продвижения идей мировой революции на Востоке, но и внес важный вклад в обеспечение кадрами национальных республик, в том числе Казахстана. Сведения о специфике организации образовательного и воспитательного процесса, быта и досуга студентов в КУТВ обеспечивают лучшее понимание социокультурных аспектов масштабных преобразований, проводившихся в процессе советского нацистроительства. Выявленные биографические данные и характеристики казахских студентов университета наряду с дополнениями об их дальнейшей карьере позволяют расширить и уточнить представления о характере и специфике конструирования и социальной мобильности нового поколения управленцев и интеллигенции. Социальная структура общества изменилась не только в смысле политизации этничности, включения в государственные институты прежде не имевших такой возможности слоев общества, но и обретая качественно иные приоритеты и взаимосвязи. Реструктуризация общества и ускорение вертикальной социальной мобильности представителей трудящихся (рабочих и крестьян, шаруа, батраков, безработных и др.) обеспечили качественные изменения социокультурного пространства, выработку новых адаптивных практик в традиционной культуре отношений общества и власти, усложнение моделей политического поведения и комплекса маркеров коллективной и индивидуальной идентификации.

Статья написана в рамках выполнения проекта Министерства науки и высшего образования РК АР19678231.

Литература

- А.Р. (1926) К вопросу о рационализации учебы и быта совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. Москва-Ленинград: ГИЗ. С. 206-211.
- Григорьев В.К., Джагфаров Н.Р., Осипов В.П. (1989) Идейно-политическая работа партийных организаций Казахстана (1917-1925 гг.). Алма-Ата: Казахстан. 174 с.
- Даудов А.Х., Мамышева Е.П. (2022) Коммунистический университет трудящихся Востока. 1921–1938 гг.: взгляд через сто лет // Новейшая история России. Т. 12. № 2. С. 372-384.
- ХII съезд РКП(б) (1968). Москва: Политиздат. 921 с.
- Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921 г. (2009) Москва: РОССПЭН. 671 с.
- Карагулов А.О. (2017) Марат Саралинов. Ода профессиональной дипломатии // Вестник Дипломатической академии МИД КР им. К. Дикамбаева. № 8. С. 176-183.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) Т.2. 1917-1922 (1983) Москва: Политиздат. 606 с.
- Леонова Л.С. (1979) Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917–1975. Москва: МГУ. 205 с.
- Мамышева Е.П. (2015) История Хакасии в лицах: выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока (1921-1936 гг.) (К постановке проблемы) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 61-64.

Отчет Кустанайского губкома РКП(б) и контрольной комиссии 3-й губпартконференции 15 февраля 1923 г. (1923) Кустанай: Издание губкома РКП(б). 64 с.

Панин Е.В. (2013) Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ «МАМИ». Серия 6. Гуманитарные науки. Т. 2. № 4 (18) С. 201-206.

Пестковский С.С. (1920) Киргизы и Советская власть // Жизнь национальностей. № 12 (69). 27 апреля.

Протоколы первой областной Киргизской конференции РКП(б) 11-18 июня 1921 г. (1935) Алма-Ата – Москва: Казкрайгиз. 174 с.

Рындич А. (1926) Четыре года работы совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. Москва-Ленинград: ГИЗ. С. 5-34.

Совпартшколы и комвузы (1926). Москва-Ленинград: ГИЗ. 239 с.

Соловей В. Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20 – 30-е годы (1990) // Вопросы истории КПСС. № 12. С. 87-98.

Тибекин П.И. (1968) Ильяс Кабулов. [1904-1937]. Алма-Ата: Казахстан. 79 с.

Харунов Р.Ш. (2013) Подготовка специалистов для Тувы на курсах хошунных работников в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1929-1933 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 58-61.

Шашкова О.А., Шпаковская М.А. (2018) Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920-1930-е гг. // Вестник архивиста. № 3. С. 704-716.

Amandossova M., Ventsel A. (2024) Preparation and Selection of Kazakh students in the Communist University of the Workers of the East // Вестник КазНУ. Серия историческая. Том 112. № 1. С. 128-137.

<https://centrasia.org/person2.php?st=1499751284#gsc.tab=0> (дата обращения: 5.03.2025).

<https://www.moypolk.ru/soldier/usmanov-karim-ishakovich> (дата обращения: 5.03.2025).

<https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero75181617/> (дата обращения: 5.03.2025).

<https://centrasia.org/person2.php?st=1714498702&ysclid=m7t2jl62qe547799348#gsc.tab=0> (дата обращения: 5.03.2025).

References

A.R. (1926). K voprosu o ratsionalizatsii ucheby i byta sovpartshkol [On the issue of rationalization of studies and everyday life of Soviet-party schools] // Sovpartshkoly i komvuzy. M.-L.: GIZ. S. 206-211 (on Russian).

Grigor'ev, V.K., Dzhagfarov, N.R., Osipov, V.P. (1989). Ideino-politicheskaya rabota partiinykh organizatsii Kazakhstana (1917-1925 gg.) [Ideological and political work of the party organizations of Kazakhstan (1917-1925)]. Alma-Ata: Kazakhstan. 174 s. (on Russian).

Dauduv, A.Kh., Mamysheva, E.P. (2022). Kommunisticheskiy universitet trudyaschikhsya Vostoka. 1921–1938 gg.: vzglyad cherez sto let [Communist University of the Working People of the East. 1921-1938: a look after a hundred years] // Noveishaya istoriya Rossii. T. 12. № 2. S. 372-384 (on Russian).

XII съезд РКП(б) (1968). XII s'ezd RKP(b) [XII Congress of the Russian Communist Party(b)]. M.: Politizdat. 921 s. (on Russian).

Dekrety Sovetskoi vlasti (2009). [Decrees of the Soviet government]. T. XVIII. Avgust 1921 g. M.: ROSSPEN. 671 s. (on Russian).

Harunov, R. Sh. (2012). Podgotovka specialistov dlya Tuvy na kursakh hoshunnykh rabotnikov v Kommunisticheskom universitete trudyashchikhsya Vostoka (1929–1933 g.) [Training of specialists for Tuva at the courses of khoshun workers at the Communist University of the Workers of the East (1929–1933)] // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'nye i gumanitarnye nauki. Vyp. 1. S. 58–61 (on Russian).

Karagulov, A.O. (2017). Marat Saralinov. Oda professional'noi diplomatii [Murat Saralinov. An Ode to professional diplomacy] // Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID KR im.K. Dikambaeva. № 8. S. 176-183 (on Russian).

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898-1988), (1983). [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1988)]. T.2. 1917-1922. M.: Politizdat. 606 s. (on Russian).

Leonova, L.S. (1979) Istoricheskij opyt KPSS po podgotovke partiinykh kadrov v partiinykh uchebnykh zavedeniyakh. 1917–1975. [Historical experience of the CPSU in training party personnel in party educational institutions. 1917–1975] M.: MGU. 205 s. (on Russian).

Mamysheva, E.P. (2015). Istoriya Khakasii v litsakh: vypuskniki Kommunisticheskogo universiteta trudyaschikhsya Vostoka (1921-1936 gg.). K postanovke problemy [The history of Khakassia in person: graduates of the Communist University of the Working People of the East (1921-1936) (To pose the problem)] // Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl'. T. 7. № 5. Ч. 2. S. 61-64 (on Russian).

Otchet Kustanaiskogo gubkoma RKP(b) i kontrol'noi komissii 3-I gubpartkonferentsii 15 fevralya 1923 g. (1923). [Report of the Kostanay Gubernatorial Committee of the Russian Communist Party(b) and the control Commission of the 3rd Gubernatorial Party Conference on February 15, 1923]. Kustanai: Izdanie gubkoma RKP(b). 64 s. (on Russian).

Panin, E.V. (2013). Kommunisticheskii universitet trudyaschikhsya Vostoka [The Communist University of the Working People of the East] // Izvestiya MGTU "MAMF". Seriya 6. Gumanitarnye nauki. T. 2. № 4 (18). S. 201-206 (on Russian).

Pestkovskii, S.S. (1920). Kirgizy i Sovetskaya vlast' [The Kirghiz and the Soviet government] // Zhizn' natsional'nostei. № 12 (69). 27 aprelya (on Russian).

Protololy pervoi oblastnoi Kirgizskoi konferentsii RKP(b) 11-18 iyunya 1921 g. (1935). [Minutes of the first regional Kirghiz Conference of the Russian Communist Party(b) on June 11-18, 1921]. Alma-Ata: Kazkraioigiz. 174 s. (on Russian).

- Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), fund 17.
Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), fund 532.
Ryndich, A. (1926). Chetyre goda raboty sovpartshkol [Four years of work of the Soviet-party schools] // Sovpartshkoly i komvuzy. M.-L.: GIZ. S. 5-34 (on Russian).
Sovpartshkoly i komvuzy (1926). M.-L.: GIZ. 239 s. (on Russian).
Solovei, V.D. (1990). Institut krasnoi professury: podgotovka kadrov istorikov partii v 20-30-e gody [Institute of the Red Professorship: training of historians of the Party in the 20 – 30s] // Voprosy istorii KPSS. № 12. S. 87-98 (on Russian).
Tibekin, P.I. (1968). Il'ias Kabulov [1904-1937]. [Ilyas Kabulov. [1904-1937].] Alma-Ata: Kazakhstan. 79 s. (on Russian).
Shashkova, O. A., Shpakovskaya, M.A. (2018) Kommunisticheskiy universitet trudyaschikhsya Vostoka: sozdanie i etapy stanovleniya v sisteme Komintern v 1920–1930-e gg. [Communist University of the Working People of the East: creation and stages of formation in the Comintern system in the 1920–1930s.] // Vestnik arkhivista. 2018. № 3. S. 704–716 (on Russian).
<https://centrasia.org/person2.php?st=1499751284#gsc.tab=0> (Access Date: 2025, Mar. 5).
<https://www.moypolk.ru/soldier/usmanov-karim-ishakovich> (Access Date: 2025, Mar. 5).
<https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero75181617/> (Access Date: 2025, Mar. 5).
<https://centrasia.org/person2.php?st=1714498702&ysclid=m7t2jl62qe547799348#gsc.tab=0> (Access Date: 2025, Mar. 5).

Сведения об авторе:

Дина Ахметжановна Аманжолова – д. и. н., профессор, центр истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (РФ, Москва. e-mail: amanzholova19@mail.ru)

Автор туралы мәлімет:

Дина Ахметжановна Аманжолова – т.г.д, профессор, Ресей халықтарының тарихы және ұлтаралық қатынастар орталығы, РҒА Ресей тарихы институты (Ресей Федерациясы, Мәскеу, e-mail: amanzholova19@mail.ru)

Information about the author:

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow, e-mail: amanzholova19@mail.ru)

Поступило 03.04.2024

Принято 05.06.2025